

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Экономические преступления «расцветают» из-за правоприменения

После летних докладов бизнес-омбудсмена Б. Титова и главы Центра стратегических разработок А. Кудрина разгорелась старая дискуссия о соотношении гражданско-правовых и уголовно-правовых форм защиты бизнеса от деликтов. Хотя в УК РФ выделены и развиваются «предпринимательские» составы преступлений, проведены отдельные «предпринимательские» амнистии, однако вновь возникли сомнения в правильности постановки самой задачи особой защиты бизнеса.

Может быть, разумнее, наоборот, исключить из уголовно-правовой терминологии описание и даже наименование бизнес-процессов? Может быть, уголовную юстицию ограничить исключительно традиционными преступлениями из библейских заповедей, а деликты в сфере предпринимательской деятельности декриминализовать и отдать на откуп арбитражным судам? Так и было в 90-х годах, но мало кому нравилось. В римском праве в период поздней республики и империи торжествовал принцип: «Нет иска — нет деликта». Иначе говоря, только потерпевший решал, причинен ему вред или нет. Рецепция этого разумного принципа отчасти имеет место и в УК РФ.

Но, как считают либералы, этот принцип сам по себе не решит проблем до тех пор, пока у правоохранительных органов имеется возможность описать предпринимательскую деятельность в терминах уголовного права и назвать преступлением по заявлению контрагента или госоргана любое нарушение права. Такая возможность чревата не только выборочностью наказания не многих в длинном ряду таких же правонарушителей, но и создает почву для коррупции. Это уже плохо не только само по себе, но дает обладателю «ресурса» среди силовиков незаконные конкурентные преимущества, что неизбежно ведет к повсеместному монополизму.

Мне, практику, представляется, что спор принял схоластический характер. Пора остановиться в законотворчестве и начать решать проблему с опорой на правоприменение. Судебная практика сама может защитить предпринимателей. Она имеет возможность в течение двух-трех лет скрупулезно изучить чуть ли не каждый приговор по рассматриваемой категории дел и задать судам правильный вектор в ряде обзоров. Меньше формализма — больше здравого смысла!

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Как быть со сложным доверителем

Недовольство клиента адвокатом — явление повседневное и психологически понятное. Клиент связывает любой негативный результат по делу и даже неожиданную для многих длительность судебных процедур напрямую с ошибками и бездейтельностью своего адвоката.

Арестованные меняют адвоката через 2–3 месяца, рассуждая так: «Раз я сижу, значит, плохой адвокат». И невдомек обвиняемому, что эластичность функции «полезность адвоката» напрямую не коррелирует с результатами по делу. Любой клиент, впервые войдя в кабинет адвоката, подсознательно пользуется своим опытом общения с врачом. Клиент уверен, что адвокат, как и терапевт, послушает посетителя, почтает его документы и выдаст «диагноз». Клиент надеется, что этот прогноз-диагноз будет позитивным и каким-то чудесным образом обязательно материализуется. Если в мироощущении клиента что-то на любом этапе дела не совпадет с таким ожиданием, то он чувствует себя обманутым адвокатом. И не только из-за того, что доверитель спутал прогноз с обещанием, а потому что о работе адвоката знает по детективам.

Что же делать? Ключ к успеху в том, чтобы адвокат максимально подробно раз-

яснял каждому доверителю сложности его дела и проговаривал с ним все детали его ведения. Клиент должен понимать механизм продвижения своего дела по следственным, прокурорским и судебным коридорам.

Надо спрашивать у самого доверителя, необходимо ли адвокату делать то или иное процессуальное движение, разъясняя его необходимость, полезность и негативные последствия бездействия адвоката. Надо всегда объяснять каждому клиенту, что позиция «Я вас нанял, вы все без меня решайте!» — это путь в тюрьму и к банкротству.

Адвокат должен уметь вовлечь клиента в свою деятельность, а не ставить его в позицию стороннего наблюдателя и критика.

Не случайно в своих речах я использую местоимение «мы». «Мы» — это с процессуальной точки зрения адвокат с клиентом. Когда клиент будет понимать сотрудничество с адвокатом как «мы», претензий станет на порядок меньше.

К сожалению, есть немало подзащитных, которым объяснить что-либо не представляется возможным. Соглашений с такими надо избегать, а также не стоит заключать соглашения в первый день знакомства с потенциальным клиентом.

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Может ли суд признать доказательства обвинения доказательствами защиты

В уголовных делах нередко встречаются доказательства, полезные защите, но признанные самим обвинением недопустимыми, либо произвольно записанные в число своих. Как правило, такие доказательства гособвинитель не представляет суду во время судебного следствия. Например, когда результаты следственного эксперимента по ДТП или экспертизы не укладываются в версию обвинения, их опорочивают по формальным основаниям и назначают повторные, но в уголовном деле эти документы сохраняются.

Возникает резонный вопрос: может ли защита представить суду «чужие» доказательства в качестве своих, в том числе те, по которым имеются неотмененные постановления следственных органов о признании их недопустимыми? Тот же вопрос актуален и для апелляционной инстанции.

Полагаю, что да, в силу идентичности контекста и термина «представлять» (суду), который использован в УПК РФ в отношении любых доказательств без ограничений: ч. 4 ст. 47 «Обвиняемый», ч. 1 ст. 53 «Защитник» и ч. 5 ст. 246 «Участие обвинителя». На этот же ответ указывает и ст. 17 «Свобода оценки доказательств» УПК РФ.

Закон подходит к доказательствам защиты и обвинения по-разному. В силу ч. 3 ст. 14 УПК и правил формальной логики доказательства защиты подлежат опровержению доказательствами обвинения. Поэтому без них обвинению проще построить свою систему доказательств.

Действительно, если имеется невыгодная обвинению судмедэкспертиза, то обвинению удобно найти в ней формальный изъян, признать недопустимой, обратиться к другим экспертам, а потом умолчать о первой экспертизе в суде. Если же первую экспертизу представит суду адвокат, то она как минимум должна получить значение «иных документов» и «иных сведений», собранных защитником. В этом случае суд сможет учесть оправдательное мнение врачей первой СМЭ, не глядя на забытые «подписки» и отсутствие перечня литературы. В процессе потребуются устранять противоречия. А устранить противоречия между врачами маловероятно. Тут и до оправдания недалеко. Адвокаты должны смелее использовать потенциал имеющихся в деле документов и представлять их суду в качестве доказательств защиты.

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Имеет ли эксперт право «смотреть»?

В процессе приходится иметь дело с односторонними ходатайствами сторон о назначении лингвистических, психологических и автотехнических судебных экспертиз, основанных на видео- и аудиозаписях. Стороны просят привлечь к исследованию названных доказательств экспертов по записям одновременно с профильными экспертами. Или наоборот: ставят под сомнение результаты профильных судебных экспертиз, если эксперты по другим дисциплинам обошлись при просмотре и прослушивании записей без участия видео- и аудиотехников.

Нет сомнений, что следствию и суду необходимо убедиться в доброкачественности видео- и аудиозаписей. Например, видеофонограмм регистраторов, записей прослушивания телефонных переговоров, диктофонных записей, полученных в ходе ОРМ. Для этого, конечно, привлекаются эксперты, способные исключить случаи монтажа, изменения скорости записи и пр.

Но зачем эксперты по «видео» автотехнику, который использует традиционные трасологические методики? «А как же? — удивляются сторонники “комплексности” любой экспертизы с использованием записей. — Эксперт же смотрит записи без специальной подготовки, чем вторгается

в область знаний экспертов по записям. «Но глаза-то у меня есть, — ответил автотехник суду. — Чем мне может помочь узкий специалист? “Раскадровку” простейшей программой может исполнить любой пользователь компьютера. Скорость записи можно без “смежного” эксперта найти в свойствах файла. Правильность моих действий проверяема в судебном заседании».

Нет сомнений, легко представить случаи, когда комплексная экспертиза полезна. Например, когда необходимо очистить запись от мешающих работе шумов. Но именно когда шумы мешают, а не просто имеют место. Специалист по записям очистит доказательство именно там, где «шум» мешает профильному эксперту, и ему не придется делать лишнюю работу, очищая всю запись.

Однако правильнее, если профильный эксперт сам просматривает и прослушивает запись на предмет необходимости получения помощи специалиста по записям. Если такая помощь необходима, он обращается в порядке ч. 3 ст. 57 УПК к следователю или суду с ходатайством. Именно профильный эксперт, а не следователь или суд, должен определять, приемлема ли предоставленная запись для надлежащих выводов.

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Разграничение следственного и экспертного экспериментов

Следственный эксперимент — элемент уголовного процесса, который позволяет установить последовательность событий, механизм образования следов. При его проведении действуют процессуальные гарантии, включая участие понятых. Но наряду со «следственным» в составе судебных экспертиз можно найти никак не регламентированный «экспертный эксперимент». Приказ Минюста от 20.12.2002 № 346 об экспертизах — единственный документ, в котором упоминается этот термин, без раскрытия. Известны традиционные экспертные эксперименты по «отстрелу» оружия, получение образцов для сравнительного исследования (тех же пуль) и т. п. Не редкость экспертный эксперимент и в СМЭ.

Согласно доктрине суть следственного эксперимента заключается в производстве «опытов». В ходе экспертного эксперимента производятся «научно-экспериментальные исследования».

На практике эксперты, особенно медики, вместо запроса недостающих исходных данных присвоили себе право устанавливать все обстоятельства из числа прямо названных в диспозиции ст. 181 УПК для следственного эксперимента. Как же разграничить следственные и экспертные эксперимен-

ты, вернее ограничить область применения последних?

Полагаю, экспертный эксперимент не должен проводиться, если для получения исходных данных есть возможность провести эксперимент силами следователя с участием специалиста. Иначе говоря, если не требуется применение оборудования (микроскоп, спектрометр и проч.), результаты работы которого непосредственно в приговор не запишешь, так как они непонятны без специального образования. Но, например, фотоаппарат, дальномер, рулетка к таковому не относятся. Вместо подобного эксперимента эксперт обязан обратиться к следователю в порядке ст. 57 УПК. Тогда приговоры не будут основываться на «экспериментах» врачей без понятых, которые используют неизвестных статистов в неизвестных условиях своих клиник.

В перспективе следовало бы законодательно обязать экспертов при возникновении потребности в экспертном эксперименте ставить в известность следователя и обосновывать его необходимость. Следователь будет разрешать проведение экспертного эксперимента в порядке процедуры, установленной УПК для дополнения исходных данных судебных экспертиз.

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

В помощь защите по делам о ДТП

Следователи и судьи нередко полагают, что ч. 1 п. 10.1 Правил дорожного движения (далее — ПДД), которая регулирует выбор водителем скорости движения, позволяет определять предельно допустимую скорость в начале развития дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП) по их усмотрению. Однако ч. 1 п. 10.1 ПДД нужно толковать буквально, а не расширительно. Соблюдение критериев, перечисленных в названной норме, действительно позволяет водителю избежать ДТП, но только в том случае, если никакой иной участник дорожного движения не нарушает адресованных ему правил. Иначе следовало бы признать, что транспортное средство не сможет законно двинуться по людной улице или темному загородному шоссе, если переложить на водителя вину пострадавшего пешехода, который шагнул в неполюженном месте на проезжую часть. Такой пешеход не только не имеет преимущества перед транспортным средством, но и игнорирует обязанность убедиться в безопасности перехода.

Важно отметить, что водителя привлекают к ответственности вовсе не за сам факт происшествия, а за нарушение адресованных ему правил.

В подобных случаях правоприменителю следует принимать решение о допустимом пределе надлежащей скорости транс-

портного средства не «на глаз» и тем более не в порядке «объективного вменения». То есть не думать, что раз произошло ДТП, значит, скорость была превышена, надо было помедленнее. Нужно руководствоваться разъясняющим первое предложение ч. 1 п. 10.1 ПДД указанием на то, что надлежащая скорость должна позволять водителю контролировать движение транспортного средства. Иначе говоря, ДТП не должно быть следствием потери управления. Но факт ДТП сам по себе вовсе не свидетельствует о потере управления транспортным средством. Потеря управления характеризуется непрогнозируемой траекторией движения, отсутствием замедления после включения тормозов, съездом с дороги, вращением и т. д.

Если же потери управления не было, то, чтобы обвинить водителя по ст. 264 УК в нарушении ПДД по п. 10.1, правоприменитель должен руководствоваться требованиями ч. 2 названного пункта. Эта норма предписывает водителю принять обязательные меры по предотвращению ДТП. При этом скорость движения транспортного средства перед ДТП нельзя признавать превышенной автоматически или усмотрительно без специального доказывания факта превышения прямыми доказательствами, например экспертизами, а также без доказывания причинной связи между превышением скорости и возникновением ДТП.

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Звонок в полицию себе дорожке?

Звонок мошенников раздался в субботу вечером: «Это из Центрального (!) пенсионного фонда. Вам положена дополнительная выплата. Срочно продиктуйте номер банковской карты. Давайте уточним написание фамилии. У нас база зависла...»

Мобильный телефон звонившего определился. При наборе за ним оказался целый преступный колл-центр: «Готовы диктовать?» Я решил исполнить гражданский долг. Все подробно, с квалификацией по ст. 159 УК разъяснил в «02», сообщил телефон мошенников. Объяснил срочность дела. Через три дня позвонил участковый: «Я туда звонил, телефон не отвечает. У вас с карты деньги списали? Нет?»

Об этом типичном случае не стоило бы и вспоминать, если бы не продолжение.

Через неделю я получил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении меня самого. По ст. 306 УК «Заведомо ложный донос». Отказ имел место не за отсутствием события ложного доноса, а за отсутствием в моих действиях состава преступления. В полиции посчитали, что я ввел «органы» в заблуждение, но неумышленно. Этот отказ неизбежно попал в соответствующую базу данных. Таким образом, я впервые оказался навечно записан правонарушителем по уголовной статье.

Чем же вызваны ставшие сегодня практически обязательными отказные постановления по ст. 306 УК, которые возникают дуэтом при каждом отказе в возбуждении уголовного дела по любому сообщению о преступлении?

Во-первых, расширительным толкованием ч. 2 ст. 148 УПК, которая предписывает рассматривать вопрос о совершении преступления по ст. 306 УК только по заявлениям граждан в отношении «конкретного лица». Примененный в законе термин «конкретное лицо» следует толковать буквально – установленное органом дознания лицо. Во-вторых, удваиванием количества отработанных органом дознания материалов, что украшает статистику работы.

Как вы думаете, гражданин России, получивший такой «привет» из полиции, еще хоть раз сообщит в «органы» о преступлении? Ответ очевиден. И это ужасно!

Было бы правильно вовсе отменить норму ч. 2 ст. 148 УПК, так как и без нее нет никаких процессуальных препятствий для возбуждения уголовного дела о ложном доносе при наличии соответствующих оснований. И тогда не придется изводить тонны бумаги и тратить тысячи часов работы сотрудников для изготовления никчемных постановлений о том, что добросовестный заявитель — не преступник.

Алексей Анатольевич Куприянов, почетный адвокат России, почетный юрист г. Москвы, руководитель юридической фирмы «Адвокатская контора Алексея Куприянова»

Как защите не попасть в «ловушку» при заключении сделки со следствием

Практика применения особого порядка рассмотрения дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК) выявила этическую проблему.

Известно, что в процессе заключения «сделки со следствием» практически все обвиняемые меняют защитника. Зачастую это происходит не по инициативе подследственного. Следователь рекомендует «сдельщику» взять нового защитника, объясняя это следующим: «Ты же теперь будешь содействовать обвинению, а твой защитник имеет связи с защитниками запирающихся подельников. Через адвоката возможна утечка твоих показаний, что для тебя опасно!»

Сделку наше общество пока оценивает как предательство. Ведь она требует обличающих показаний на лиц, которые еще не известны следствию. Поэтому аргументы следствия — совершенно беспочвенные для адвокатов — «сдельщик» принимает за разумные и соглашается на защитника, которого предложило обвинение.

Добившись замены защитника, сторона обвинения ставит под полный контроль поведение подследственного и не оставляет ему шанса изменить позицию. Кроме того,

«аффилированные» защитники смотрят сквозь пальцы на процессуальные нарушения. Одним из таких нарушений может стать склонение подзащитного к лжесвидетельству. Следователь заявляет «сдельщику», что ему известно о преступной деятельности С., и требует от него подтверждающих показаний. Если последнему об этом ничего не известно, он отказывается. Заметим, к этому моменту «сдельщик» уже сообщил следствию про деятельность другого лица, например К., и полагает, что свою часть сделки он выполнил. Не тут-то было! Следователь заявляет, что про К. он и так все знал, а ему нужно про С., иначе сделка отменяется. При несговорчивости так обычно и происходит.

Чтобы предотвратить такое негативное для подзащитного развитие событий, адвокату следует заранее разъяснить доверителю вред замены защитника при сделке. В ходе подготовки соглашения адвокату полезно четко ограничить и конкретизировать рамки сотрудничества, приобщить к тексту соглашения свои развернутые письменные разъяснения, предусмотренные приказом Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107.

Обв
нез

В прошл
рая устан
ства обыс
адвоката.
вания нар
об уголов
правого с
в отношен
му уголов
в жилых и
мых адвок
сти, в соот
закона от 3
судебное р
и понятно.
в практике

В про
СУ на тра
дело по об
Следствие
чении дене
расследов
у адвокат
бюро и жи
обратился
стве обыск
районный
14.06.2017
теля. После